

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-4-581-596>

Научная статья / Research article

Казнен под фамилией Антонов: революционная биография Владимира Свириденко

Олег Милевский

Сургутский государственный педагогический университет, Сургут, Россия

✉ olegmilevsky@mail.ru

Аннотация: На основе использования методологических подходов, присущих направлению «personal history», осуществляется реконструкция революционной биографии ранее практически неизвестного в научном сообществе народника Владимира Антоновича Свириденко, казненного под фамилией Антонов. Источниковой базой являются документы из фондов Государственного архива Российской Федерации, а также опубликованные материалы, прежде всего существующая мемуарная литература. Автором рассматривается и анализируется процесс идейной эволюции Свириденко от мирного пропагандиста до активного члена «южного Исполнительного комитета», исповедавшего тактику политического террора в борьбе против представителей власти Российской империи. В процессе изучения источников, в том числе документов жандармского ведомства, удалось установить, что Свириденко был весьма заметной фигурой в плееде революционеров юга России. Изучение биографии Свириденко позволяет выявить ранее малоизвестные факты из истории революционной пропаганды на юге России (Одесса, Николаев) среди военных моряков. Особое внимание уделяется деятельности В.А. Свириденко в Киеве в 1878 – начале 1879 г. в рядах «Исполнительного комитета Русской социально-революционной партии», созданного В.А. Осинским. Рассматриваются переговоры представителей «южного ИК» с либералами в Киеве в конце 1878 г., в которых Свириденко принимал непосредственное участие. Анализ идейной эволюции революционера помогает не только лучше понять мотивы его поступков, но и на примере личной судьбы проследить типический путь многих революционеров-южан от тактики пропаганды к террору. На основе изученного материала автор приходит к выводу о том, что во многом центральная власть сама спровоцировала переход части революционеров-народников, включая Свириденко, к насильственным действиям. Поэтому реконструкция революционной биографии одного из участников народнического движения на примере его жизни и деятельности крайне важна для выяснения причин эволюции революционного народничества от мирной пропаганды к политическому террору.

Ключевые слова: народничество, революционная борьба, самодержавие, пропаганда, военные моряки, южный Исполнительный комитет, терроризм

Для цитирования: Милевский О.А. Казнен под фамилией Антонов: революционная биография Владимира Свириденко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 4. С. 581–596. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-4-581-596>

Executed under the name of Antonov: Revolutionary Biography of Vladimir Sviridenko

Oleg Milevsky

Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russia

✉ olegmilevsky@mail.ru

Abstract: The article reconstructs the “revolutionary biography” of populist Vladimir Antonovich Sviridenko who was previously practically unknown in the scientific community, using the methodological approaches inherent to the “personal history” direction. The source base of the article is both docu-

ments from the archives of Moscow (State Archive of the Russian Federation) that were not previously introduced into scientific use, and the existing memoir literature. The article examines and analyzes the process of Sviridenko's ideological evolution from a peaceful propagandist to an active member of the “Executive Committee of the Russian Social-Revolutionary Party” (“Southern Executive Committee”) who used the tactics of political terror against the representatives of the Russian ruling elite. In the process of studying the sources, including the documents of the Gendarme department, it was possible to establish that Sviridenko was a very prominent figure among the revolutionaries of the south of Russia in the late 1870s. The study of Sviridenko's revolutionary biography revealed previously little-known moments of populist propaganda in Novorossiya (Odessa, Nikolaev) among military sailors. It was also established that at that time the revolutionaries decided to use dynamite to prepare for regicide. Special attention is paid to Sviridenko's activity in Kiev, in 1878–early 1879, in the ranks of the “Southern Executive Committee” created by V.A. Osinsky. There is analyzed the role played by Sviridenko in its work. There are also considered the negotiations of the representatives of the “Southern Executive Committee” with the liberals in Kiev at the end of 1878 in which he was directly involved. The analysis of Sviridenko's ideological evolution allowed us not only to better understand the motives of his actions, but also made it possible to trace on his example the typical path of the transition of southern revolutionaries from propaganda to terror. On the basis of the material studied, the author comes to the conclusion that the reconstruction of V.A. Sviridenko's “revolutionary biography” is extremely important for clarifying the reasons for the evolution of revolutionary populism from peaceful propaganda to political terror.

Keywords: Narodnichestvo, revolutionary struggle, autocracy, propaganda, military sailors, Southern Executive Committee, terrorism народничество

For citation: Milevsky, Oleg. “Executed under the name of Antonov: Revolutionary Biography of Vladimir Sviridenko.” *RUDN Journal of Russian History* 21, no. 4 (November 2022): 581–596. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-4-581-596>

Введение

Изучение истории революционного народничества имеет давнюю, более чем вековую традицию. Однако до сих пор в ней наличествует немало лакун. Причем очень часто за фасадом, казалось бы, очевидных и давно изученных фактов при более детальном знакомстве с архивными документами оказывается немало скрытых деталей и обстоятельств, позволяющих по-иному посмотреть на давно известные сюжеты из истории революционной борьбы 1870–1880-х гг. или «воскресить» из исторического небытия ранее малоизвестные фигуры, на деле оказавшиеся отнюдь не второстепенными.

Такова, например, исследовательская судьба так называемого южного «Исполнительного комитета» русской социально-революционной партии (ИК РСРП), действовавшего в 1878 – начале 1879 г. и лиц, его создавших. В советской историографии деятельности этой организации, преимущественно ассоциировавшейся с именем В.А. Осинского, традиционно отводилась роль предвестника политической борьбы посредством использования террора. Колебался только диапазон оценок. Так, в отличие от М.Г. Седова¹ и С.С. Волка², Н.А. Троицкий³ и В.А. Твардовская не считала деятелей «южного ИК» сознательными политическими революционерами⁴. При этом и ведущие советские, и современные российские историки не подвергали сомнению «последовательно террористический характер кружка В.А. Осинского»⁵. В литературе для обозначения ИК РСРП еще использовался термин «кружок Осинского – Лизогуба»⁶.

Таким образом, когда в исторической среде речь заходила о «южном ИК», то все преимущественно связывалось с именем Осинского, а остальные участники этого

¹ Седов М.Г. Героический период революционного народничества. М., 1966. С. 78–80, 82.

² Волк С.С. «Народная воля». 1879–1882 г. М. – Л., 1966. С. 71.

³ Троицкий Н.А. Крестоносцы социализма. Саратов, 2002. С. 217.

⁴ Твардовская В.А. Социалистическая мысль России на рубеже 1870–1880-х гг. М., 1969. С. 21.

⁵ Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2000. С. 53.

⁶ Твардовская В.А. Социалистическая мысль России на рубеже 1870–1880-х гг. М., 1969. С. 22–23.

кружка оказывались вне зоны научного внимания. Но если ряду персоналий, в том числе и самому Осинскому, посвящены хотя бы отдельные статьи в историко-революционных журналах 1920–1930-х гг.⁷, то судьба некоторых, действительно неординарных фигур, напрямую связанных с ИК РСРП, оказалась вообще вне поля зрения исследователей.

К числу таковых относится и имя Владимира Антоновича Свириденко. Если он и упоминался историками, то только в контексте его совместной казни с Осинским⁸. Хотя на юге России в конце 1870-х гг. Свириденко представлял из себя вполне самостоятельную и весьма крупную революционную фигуру. Более того, например, в некоторых показаниях, полученных в ходе жандармского дознания, Свириденко фигурирует как «человек № 2» после Осинского в революционном Киеве⁹. Однако парадоксальным образом о нем до сих пор очень мало известно, хотя использующиеся сегодня в исторической науке методологические подходы, в том числе метод «personal history», позволяют восполнить этот пробел.

Задачей данной статьи является реконструкция революционной биографии В.А. Свириденко. Наиболее полное восстановление его биографии и политических взглядов позволит получить более объективное представление о том, что происходило в то время в революционных кружках юга империи и о том, какие воззрения там господствовали и какую эволюцию под давлением обстоятельств они претерпели. Последнее имеет особую актуальность в связи с развернувшейся дискуссией между современными историками о природе революционного насилия¹⁰.

Новые «литературные пророки» и молодежь

Свириденко родился в Симферополе, в семье чиновника в чине коллежского ассессора, точная дата его рождения не установлена, традиционно указывают 1850 г.¹¹ Подробности детских лет его жизни также неизвестны, но судя по упорному желанию сохранить свое инкогнито на следствии, чтобы не расстраивать мать¹², отношение Владимира с ней были весьма теплыми. Свое обучение он начал в Симферопольской гимназии, которую на рубеже 1860–1870-х гг. коснулись новые веяния, связанные с проникновением в гимназическую среду передовых идей, культивируемых публицистами демократических изданий, которым провластные «консервативные пророки» ничего не могли противопоставить. Учившийся практически одновременно со Свириденко в гимназии будущий известный литературовед Д.Н. Овсяннико-Куликовский вспоминал об атмосфере, которая там господствовала. «Это время было наполнено литературными интересами, – вспоминал он, – вслед за Белинским пришли Добролюбов, Писарев, Михайловский, «Отечественные записки», «Вестник Европы», «Дело», «Знание»»¹³. Результат подобного интеллектуального воздействия

⁷ См. напр.: *Дейч Л.Г.* Валерьян Осинский (к 50-летию его казни) // Каторга и ссылка. 1929. № 5 (54). С. 9–43; *Прибылев А.* Ин. Фед. Волошенко // Каторга и ссылка. 1930. № 3 (64). С. 127–147; *Стеблин-Каменский Р.Г.* Григорий Анфимович Попко (Опыт биографии) // Былое. 1907. № 5. С. 179–204; *Щеголев П.Е.* Алексей Медведев // Каторга и ссылка. 1930. № 10 (71). С. 67–110.

⁸ *Я. Д. Б.* Суд и казнь Л.К. Брандтнера, В.А. Свириденко и В.А. Осинского // Каторга и ссылка. 1929. № 7 (56). С. 68–76.

⁹ ГА РФ. Ф. 109. 3-я экспед. 1879 г. Оп. 163. Ед. хр. 291. Ч. 2. Л. 274.

¹⁰ *Будницкий О.В.* Революционный терроризм в Российской империи: историография последних лет (2000–2015) // Российская история. 2015. № 3. С. 119–137; *Pipes R.* The Trial of Vera Z. // Russian History. 2010. Vol. 37. № 1. P. 1–82; *Патук Л.Е.* Remembering «The Terrorism»: Sergei Stepniak-Kravchinskii «Underground Russia» // Slavic Review. 2009. Vol. 68. № 4. P. 758–781.

¹¹ Деятели революционного движения в России. Био-библиографический словарь. Т. 2. Вып. 4. М., 1932. Стб. 1433.

¹² *Дебагорий-Мокриевич В.К.* От бунтарства к терроризму. М., 1930. Кн. 2. С. 85.

¹³ *Овсяннико-Куликовский Д.Н.* Литературно-критические работы: в 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 317.

на читающих, а следовательно, наиболее думающих гимназистов оказался весьма разрушительным в плане их отношения к той политической действительности, которая существовала в стране.

На этот радикальный переворот идейных установок в умах гимназической молодежи указывал все тот же Овсяннико-Куликовский:

За это же время я превратился из религиозного, наивно верующего и смиренного юноши в «неверующего» и «протестующего» радикала. Само собой разумеется, о каких-либо мало-мальски выработанных взглядах и «убеждениях» смешно было бы говорить (мне было 18–19 лет). Это была лишь соответствовавшая возрасту, душевным предрасположениям и духу времени перемена настроения; это был также психологически закономерный кризис личного и социального самочувствия – этап умственного развития, реакция просыпающейся души на новые впечатления жизни и мысли¹⁴.

Эти слова будущего маститого литературоведа вполне применимы и к характеристике психологического состояния Свириденко. Представляется, что и для Свириденко (кроме него в той же гимназии начинал обучение будущий член «великого ИК» Народной воли М.Н. Тригони) и для Овсяннико-Куликовского и других гимназистов, поклонников передовой литературы, одной из главных причин перехода в стан «отрицателей» являлась невыработанность религиозного чувства.

На этот факт как на основной впоследствии указывал Л.А. Тихомиров: «Что касается религиозного настроения, оно у нас было очень слабо. Дети поступали в гимназию верующими... Но в гимназии вера у всех быстро тускнела и исчезала»¹⁵. Вера в Бога, вытеснявшаяся под прессом общественного движения 1860-х гг. из сознания юношества, искала замены на что-то иное. Явилась насущная необходимость хоть чем-то заполнять душевную пустоту, и здесь пророк радикальной молодежи и защитник нигилизма Д.И. Писарев выдвинул и свою положительную программу.

Слова «реализм», «мыслящие реалисты», используемые Писаревым, казались сами по себе многозначительны и притягательны. Овсяннико-Куликовский так описывал свои настроения на тот момент времени:

Это были не столько термины с определенным содержанием, за которыми скрывалась бы определенная программа, сколько условные лозунги и символы, открывавшие заманчивую даль будущей деятельности, “плодотворной работы”, борьбы, а может быть, и славы!¹⁶

Но если его спасло от ухода в революцию увлечение филологией, то для Свириденко такого мирного заместителя не нашлось и он с головой отдался новым увлечениям. В результате он оставил гимназию. Что явилось причиной ухода сейчас выяснить сложно. Возможно, на это повлияла высокая плата за обучение, но скорее всего камнем преткновения стало засилье там классицизма. Изучение «мертвых» языков – латыни и греческого, – являлось настоящим проклятием для гимназистов-классиков. В результате Свириденко переходит в Николаевское реальное училище. Впрочем, и пребывание в стенах этого образовательного учреждения не дало успокоения его мятущейся душе, его он также не закончил.

Человек неглупый и начитанный, он попытался найти себе применение на ниве учительства, преподавая в Симферопольском уездном училище¹⁷. Однако на дворе стояли 1870-е гг. – время российских «бури и натиска». Идейными вдохновителями для «поколения 1870-х гг.» выступали П.Л. Лавров и М.А. Бакунин. И книгой, оказавшей наибольшее воздействие на формирование социального мировоззрения семи-

¹⁴ Овсяннико-Куликовский Д.Н. Литературно-критические работы... С. 317–318.

¹⁵ Тихомиров Л.А. Тени прошлого. М., 2000. С. 163.

¹⁶ Овсяннико-Куликовский Д.Н. Литературно-критические работы... С. 318–319.

¹⁷ Деятели революционного движения в России...

десятников, стали «Исторические письма» Лаврова. Они «были не только настольной книгой молодежи 70-х годов – нет! Это была книга жизни, революционное евангелие, философия революции. Она читалась, перечитывалась. Некоторые главы ее даже переписывались», – вспоминал О.В. Аптекман¹⁸. Стоит обратить особое внимание на ассоциацию Аптекмана, сравнивающего «Исторические письма» с «Евангелием». Во многом для передовой молодежи, оторванной от традиционных православных корней, проповедью публицистов «демократической волны», талантливо и ярко пропагандировавших идеи «пользы», «служения народу» и отказа от традиционной религии в пользу усвоения идей европейских ученых-естествоиспытателей в духе вульгарного материализма и дарвинизма так оно и было. Человеческая природа не терпит пустоты и образовавшийся с отказом от религии мировоззренческий вакуум требовал заполнения. Публицисты 1860-х гг. предложили «веру в прогресс», но лишь наметили вехи практического служения новому идеалу.

По-базаровски «резать лягушек» «поколению 1870-х гг.», было уже мало, и Лавров интуитивно угадал это стремление к активному действию, предложив свою программу, что и сделало его самого и его книгу объектом поклонения, а мужика своеобразным «символом веры» для передовой части молодежи. Не зря сам Лавров называл участников «хождения в народ» «крестonosцами социализма», одним из которых и стал Свириденко.

Начало революционной карьеры

Бурная эпоха «хождения в народ» застала Свириденко в Николаеве, где он в начале 1870-х гг. являлся членом местного пропагандистского кружка. О жизни, быте и буднях этого кружка сохранилось литературное свидетельство, чудом дошедшее до потомков из Шлиссельбургской крепости. Это фрагмент неоконченного романа «Булгаков»¹⁹, принадлежащего перу революционера Ф.Н. Юрковского – знаменитого «Сашки-инженера», экспроприатора Херсонского казначейства (1879 г.). Он, будучи уроженцем Николаева, близко стоял к членам этого сообщества в первые годы его существования. Об участии в «Николаевской коммуне» Свириденко упоминает и А.А. Алексеева, подруга Юрковского²⁰. В то время главными действующими лицами кружка являлись И.М. Ковальский и П.З. Рябков, в него также входили И.В. Дробязгин, сестры Анна и Александра Алексеевы, Е. Ишменецкий и др.²¹ Все они занимались пропагандой среди сектантов-штундистов, а также среди местных гимназистов, их усилиями в гимназии был создан кружок²². В таком составе кружок просуществовал недолго. 30 сентября 1874 г. большинство его членов, среди которых находились Ковальский, Дробязгин, Имшенецкий, Юрковский, М. Ленци и Ал.А. Алексеева были арестованы во время поездки к штундистам²³. Свириденко тогда удалось избежать ареста, что спасло его от привлечения к дознанию по делу «О пропаганде в Империи», которое затем вылилось в «процесс 193-х».

Представляется, что знакомство с Юрковским, личностью неординарной и во многом нетипичной для мирного народничества, оказалось знаковым для Свириденко. В то время Юрковский высказывал идеи, считавшиеся крамольными в народнической среде, но ставшими актуальными в бытность действий ИК РСРП. В частности, он являлся активным сторонником использования пропаганды дей-

¹⁸ Аптекман О.В. Общество «Земля и воля» 70-х годов. По личным воспоминаниям. Пг., 1924. С. 122.

¹⁹ Юрковский Ф.Н. Булгаков. Роман, написанный в Шлиссельбурге. Воспоминания и письма. Л. – М., 1933.

²⁰ Там же. С. 268.

²¹ Там же. С. 227.

²² Там же. С. 71.

²³ Там же. С. 262.

ствием. В романе «Булгаков» Юрковский вложил эту мысль в уста своего героя Николая Булгакова в споре с Дрозденко (прототип Дробязгина. – *О.М.*)²⁴. Впоследствии эту идею в Киеве начнет активно осуществлять ИК РСРП, где одну из ведущих ролей предстояло сыграть Свириденко.

Тогда же Юрковский высказался и в пользу мысли о том, что «революция должна иметь собственные фонды». Вновь обратимся к «Булгакову». В романе Юрковский словами своего героя четко формулирует эту мысль:

Революция должна употреблять революционные приемы, конфискации правительственных капиталов – вот средства, которые лежат перед нами, и мне, кажется, надо раз и навсегда признать их в принципе, не смущаясь их юридическим названиями, ибо дело-то ведь не в названиях²⁵.

Тождество слов своего литературного визави подтверждал и сам Юрковский. В своих воспоминаниях он писал о том, что

в первый раз мысль о казначействе явилась у меня в 74 г., благодаря разговорам с Иваном Позульским, когда я содержался в Николаевском морском остроге²⁶.

Сторонником подобного образа действий выступит как раз Свириденко – тогда еще ортодоксальный народник, которого даже кратковременное общение с Юрковским сподвигло если не на принятие, то на размышление об ином пути достижения народного блага нежели просто мирная пропаганда. Пребывание арестованных николаевских революционеров в местном военно-морском остроге принесло и еще одно открытие. Выяснилось, что офицеры, несшие караульную службу, относятся к политическим преступникам «с полным уважением и симпатией»²⁷. В дальнейшем оставшиеся на свободе николаевские революционеры направят свою революционную пропаганду на военных моряков, и в ней первую скрипку будет играть Свириденко.

Провал «хождения в народ» и шквал правительственных репрессий, обрушившихся на мирных пропагандистов, подталкивали оставшихся на свободе к принятию более радикальной программы действий. Товарищ Свириденко по «николаевской коммуне» Дробязгин, например, принял бакунинскую программу «южных бунтарей». Свириденко также склоняется к более решительным формам борьбы против царской власти. Но он больше тяготеет к работе в городских условиях. В это время он ведет революционную работу не только в Николаеве, но и в соседней Одессе.

Николаевский кружок и военные моряки

Деятельность первых пропагандистов среди гимназистов в Николаеве в начале 1870-х гг. дала свои плоды. На рубеже 1875–1876 г. там оформился народнический кружок, куда вошли те, кто познакомился с революционными идеями как раз в гимназии. Среди них – вернувшийся из-за границы С.Я. Виттенберг²⁸. Вокруг него, а также братьев А.С., Л.С. и С.С. Златопольских, и вращалась тогда радикальная жизнь революционной молодежи Николаева. Свириденко в то время уже опытный революционер и конспиратор (среди местных активистов известный как «Владимир»), бывая в Николаеве, снабжал членов кружка запрещенной литературой, в случае необходимости документами, доставляемыми из Одессы. При этом он вел себя весьма осторожно, особенно в общении с новообращенной революционной молодежью,

²⁴ Юрковский Ф.Н. Булгаков... С. 116.

²⁵ Там же. С. 128.

²⁶ Там же. С. 169.

²⁷ Там же. С. 228.

²⁸ Морейнис М.А. Автобиография // Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. С. 155.

поэтому в сохранившихся воспоминаниях членов николаевского кружка 1877–1878 гг. о нем немного упоминаний.

Особый его интерес в Николаеве привлекло знакомство Виттенберга с военными матросами. Это произошло на Николаевской острожной гауптвахте в начале 1877 г., где Виттенберг содержался во время своего первого ареста (освобожден примерно через 5 недель. – *О.М.*)²⁹. Там он подружился с боцманом черноморского флотского экипажа И.И. Логовенко³⁰, а через него уже завязали контакты и с другими матросами. Логовенко являл собой тип стихийного социалиста-правдоискателя. «Всем земли поровну и денег» и «пропагандисты добиваются правды», – вот строй его мыслей³¹. У матросов он пользовался большим авторитетом, и это обстоятельство использовал Свириденко для расширения контактов в морской среде.

В результате к середине 1878 г. сложился костяк из матросов, сочувствующих революционерам – П.П. Ключников, М.Г. Скорняков, И.И. Тищенко, Витмунд, писарь главного командира И. Сильчевский, писарь Н. Морозовский и др.³² Всего на следствии выявили контакты Свириденко с 8 моряками³³. Среди военных, сочувствующих революции, оказались и лица офицерского звания, например мичман А. Калюжный, служивший на военном корабле «Новгород»³⁴.

В контактах с матросами Свириденко интересовала не только чистая пропаганда. События в Петербурге, связанные с «боголюбовской историей» (телесное наказание по приказу градоначальника Ф.Ф. Трепова политического заключенного А.С. Емельянова (Боголюбова. – *О.М.*) и ответное покушение 31 марта 1878 г. на Трепова В.И. Заслулич, а также вооруженное сопротивление при аресте в Одессе 30 января 1878 г. Ковальского донельзя обострили градус гражданского противостояния в стране³⁵. Свириденко все более склонялся к активным действиям против правительства в духе идей Юрковского.

Переход на позиции открытой насильственной борьбы с правительством

В марте 1878 г. в Киеве по инициативе Осинского зарождается ИК РСРП. Начало его деятельности было ознаменовано покушениями в Ростове-на-Дону на шпиона Акима Никонова (2 февраля) и товарища прокурора Киевской судебной палаты М.М. Котляревского (23 февраля), появлением прокламаций по этому поводу с печатью в виде перекрещенных кинжала, револьвера и топора. Эта организация первоначально носила во многом фиктивный характер, просто несколько революционеров, группирующихся вокруг Осинского, присвоили себе такое название³⁶.

Однако за короткое время благодаря ряду предпринятых дерзких акций авторитет ИК РСРП среди революционеров юга России стал незыблемым. В их числе – покушение на второго человека в жандармской иерархии Киева барона Г.Э. Гейкинга, организация побега из Киевского тюремного замка трех участников «Чигиринского дела» (Я.В. Стефановича, Л.Г. Дейча, И.В. Бохановского).

Сам Осинский являлся последовательным сторонником борьбы за политические свободы посредством террора, а Свириденко, может быть, не полностью раз-

²⁹ *Морейнис М.А.* Соломон Яковлевич Виттенберг и процесс 28-ми // Каторга и ссылка. 1929. № 7 (56). С. 51.

³⁰ ГА РФ. Ф. 109. 3-я экспед. 1878. Оп. 163. Ед. хр. 291. Ч. 2. Л. 206.

³¹ *Дрезен А.* Матросы в революционном движении 70-х годов // Каторга и ссылка. № 2 (31). 1927. С. 65.

³² Там же. С. 64–67.

³³ Там же. С. 66.

³⁴ Там же. С. 66.

³⁵ *Пелевин Ю.А.* Казус Засулич // Вопросы истории. 2015. № 4. С. 41–61.

³⁶ *Дебагорий-Мокриевич В.К.* От бунтарства к терроризму. М., 1930. Кн. 2. С. 12–13.

деляя идеи борьбы, в первую очередь за политические свободы, с готовностью принял саму террористическую тактику и стал активно контактировать с ИК РСРП. Известно, что и в Одессе, и в Киеве он не порывал связей с остатками «южных бунтарей» (В.К. Дебагогием-Мокриевичем, М.П. Ковалевской). Именно в это время Свириденко задолго до «Народной воли» рассматривает возможность использования для целей будущего политического террора взрывчатых веществ – пироксилина, который можно было получить через военных моряков. И он начал осуществлять свой замысел.

Во многом на изменение взглядов Свириденко повлияли события в Одессе, связанные с делом его старого друга еще по «никولاевской коммуне» Ковальского, приговоренного 24 июля 1878 г. в Одессе к смертной казни. Последний день суда над Ковальским и его товарищами вылился хотя и в стихийную, но весьма мощную антиправительственную демонстрацию. При оглашении приговора перед зданием суда на Гулевой улице собралось около 3 тысяч человек³⁷.

Среди присутствующих оказалось немало революционеров. В дальнейшем следствие установило, что во время суда в Одессу приезжало несколько нелегальных из Киева и из Николаева, том числе Виттенберг и «Владимир» (Свириденко. – *О.М.*), известный жандармам под фамилией Кавуненко³⁸. В стихийно возникшей перестрелке погибло два человека из числа участников демонстрации и несколько солдат было ранено³⁹. 2 августа 1878 г. Ковальского по приговору суда расстреляли, а 4 августа 1878 г. в Петербурге от удара кинжалом землевольца С.М. Кравчинского скончался глава III Отделения и шеф жандармов генерал-адъютант Н.В. Мезенцов.

После казни Ковальского одесский радикальный мир бурлил и жаждал мести⁴⁰. Возможно, из этого в дальнейшем выросла и стала реализовываться идея царевбийства, запланированного на время проезда царя через Одессу и Николаев. В отношении самого плана покушения на царя в Николаеве у мемуаристов нет единства мнений. Традиционно его зарождение связывают с именами Виттенберга и Логовенко⁴¹. В этом же ключе работало и жандармское дознание. Главным обвинением против Виттенберга, арестованного 16 августа 1878 г., служило «злоумышление на жизнь Государя Императора и приготовительные действия к приведению этого умысла в исполнение»⁴². В его квартире были

найжены все нужные принадлежности для производства взрыва: электрическая и гальваническая батареи, проводники, запалы. Взрыв предполагалось произвести в Спасском во время приезда Государя Императора в Николаев 18 августа 1878 г.⁴³

Однако есть сведения, что к организации этого плана был напрямую причастен и Свириденко. Об этом, ссылаясь на показания арестованного в Николаеве А.Н. Зайднера, пишет А. Дрезен⁴⁴. В любом случае добывать пироксилин для революционных целей начали именно по инициативе Свириденко. Николаевские матросы в разное время передали «Владимиру» до пуда пироксилина, который впоследствии перевезли в Одессу⁴⁵.

³⁷ ГА РФ. Ф. 109. 3-я экспед. 1878 г. Оп. 163. Ед. хр. 291. Ч. 1. (А). Л. 87 об.

³⁸ Там же. Ч. 2. Л. 143.

³⁹ Бухбиндер Н.А. К процессу И.М. Ковальского // Каторга и ссылка. 1928. № 1 (38). С. 71.

⁴⁰ Дебагорий-Мокриевич В.К. От бунтарства к терроризму. М., 1930. Кн. 2. С. 47.

⁴¹ Морейнис М.А. Соломон Яковлевич Виттенберг и процесс 28-ми // Каторга и ссылка. 1929. № 7 (56). С. 55.

⁴² ГА РФ. Ф. 109. 3-я экспед. 1878 г. Оп. 163. Ед. хр. 291. Ч. 2. Л. 205 об.

⁴³ Там же. Л. 205 об.

⁴⁴ Дрезен А. Матросы в революционном движении 70-х годов // Каторга и ссылка. № 2 (31). 1927. С. 66–67.

⁴⁵ Там же. С. 67.

В составе «южного» Исполнительного комитета

После массовых арестов в Одессе и Николаеве Свириденко вместе с уцелевшим матросом Ключниковым 2 сентября 1878 г. окончательно перебрался в Киев. Показания Ключникова свидетельствуют, что Свириденко в этом городе хорошо знали и уважали, а его слово многое значило в кругу местных радикалов. Фактически в деятельности ИК РСРП осенью 1878 г. сложился триумvirат. Осинский являлся признанным харизматическим лидером «южного ИК». Он добывал средства, контактировал с «Землей и волей», ведал решением различных организационных дел, обеспечивал связи с либеральными кругами. За И.Ф. Волошенко оставались контакты со студенческой и интеллигентной средой⁴⁶. Свириденко отвечал за организацию большинства боевых мероприятий ИК РСРП и непосредственно активно контактировал с киевскими боевиками. Для них он был своим. Вот как отзывались о нем товарищи:

Вл. Свириденко – красавец, смелый, энергичный, сильный; эту силу всегда чувствуешь, когда встречаешься с ним. Для него не было невозможного или опасного. Это был не кабинетный, а боевой революционер⁴⁷.

Тип революционера-боевика, каковым являлся Свириденко, возник во второй половине 1870-х гг. именно на юге России. Причиной тому служило и отсутствие там сильной централизованной организации, такой, как на севере – «Земля и воля», и наличие там большой массы революционеров-бунтарей – «вспышкопускателей», как их еще называли, сторонников пропаганды действием на селе. Очень точно подметил основные черты этого типа южных революционеров Л.А. Тихомиров, познакомившийся с ними летом 1878 г.:

Их психика производила на меня такое впечатление, что было бы только удалое предприятие – и они за всякое возьмутся с радостью... Они чувствовали себя совершенно как смелые молодые люди на войне⁴⁸.

Такие революционеры не обременяли себя излишним теоретизированием, для них аксиомой являлось следующее – самодержавие со всеми его политическими институтами – это враг и его надлежит уничтожить во что бы то ни стало. От них веяло силой и удачью, а главное ощущением скорой победы. К ним тянулась не слишком образованная молодежь, уже затронутая революционной пропагандой и сжигаемая революционным нетерпением. В киевских кружках ее хватало, и там Свириденко оказался незаменим.

Именно через него ИК РСРП наладил контакты с «кружком И.И. Басова». Сам Басов это время вел пропагандистскую работу в Киеве, но ответвления кружка имелись и в Житомире. Кружок состоял из весьма храбрых молодых людей, не слишком отягощенных традиционным этическим кодексом народников. Одной из заявленных целей кружка являлась добыча средств на революцию с помощью экспроприаций у государства. Свидетельством особых отношений Свириденко и «басовцев» служат показания на дознании одного из лидеров кружка Я.Ф. Зубрицкого, который указывал на «Антонова (под этим именем проходил во время жандармского дознания Свириденко. – О.М.) как на учителя и руководителя своего»⁴⁹.

Под непосредственным началом Свириденко осенью 1878 г. планировалось освобождение из харьковской тюрьмы А.Ф. Медведева (Фомина), арестованного

⁴⁶ ГА РФ. Ф. 109. 3-я экспед. 1879 г. оп. 164. Ед. хр. 115. Л. 258.

⁴⁷ Феохари С.И. Дело о вооруженном сопротивлении в Киеве 11 февраля 1879 г. // Каторга и ссылка. 1929. № 4 (53). С. 42.

⁴⁸ Тихомиров Л.А. Тени прошлого. М., 2000. С. 280–281.

⁴⁹ ГА РФ. Ф. 109. 3-я экспед. 1879 г. Оп. 164. Ед. хр. 115. Л. 185 об.

летом 1878 г. по делу о попытке освобождения П.И. Войноральского. Первая попытка побега Фомина через тюремный подкоп, осуществленная 28 августа 1878 г., оказалась неудачной⁵⁰, и ее решили повторить. Планы устройства побега Фомина целиком вынашивались в Киеве. Непосредственными руководителями этой акции являлись Свириденко и Ив. Ивичевич. В соответствии с ним решено было попытаться освободить Фомина с помощью подложного документа за подписью самого начальника местного Губернского жандармского управления генерал-майора Д.М. Ковалинского о препровождении к нему арестованного для допроса⁵¹. Этот ордер для предъявления тюремному начальству должны были доставить прямо в тюремный замок переодетые в жандармское платье революционеры. При этом ордер был на подлинном бланке, полученном у подкупленного чиновника канцелярии тюрьмы⁵², и это делало поставленную задачу, как казалось, вполне реализуемой.

Для осуществления задуманного плана выбрали двух человек, нетипичных для революционного мира. Один – бывший уголовник И.А. Рашко, по прозвищу «Американец», другой – матрос-дезертир из Николаева Тищенко (Г.Н. Березнюк). Выбор исполнителей кажется весьма странным, но объяснение здесь следующее – именно эти лица наиболее походили на жандармских унтеров, заодно новообращенных проверяли и на лояльность революционной партии. Причем сами революционеры сомневались в одном из «жандармов», по-видимому, в Рашко, однако без него как «без типичной жандармской фигуры обойтись было нельзя»⁵³.

Все первоначальные приготовления к этой акции велись в Киеве. Штаб-квартира располагалась на Большой Житомирской улице, где проживал Свириденко и где готовили жандармскую форму и прочее⁵⁴. В Харькове в качестве базы использовалось жилище местного революционера В.С. Ефремова⁵⁵. Однако из данного мероприятия, осуществленного 20 октября 1878 г., так ничего и не вышло. Подкупленный чиновник, выдавший революционерам официальный бланк, сам же их и предал, сообщив обо всем полиции. В тюремном замке псевдожандармов уже ждали и сразу же арестовали⁵⁶.

Но если устройство побегов из заключения являлось традиционной формой противостояния революционеров и власти, то вторая акция, готовившаяся при непосредственном участии Свириденко, выглядела новаторской и весьма неоднозначной с точки зрения революционной морали того времени. Это был план ограбления почты на дороге между Киевом и Житомиром во время перевозки большой суммы государственных денег. Первоначальная инициатива этого дела принадлежала Зубржицкому⁵⁷. Во второй половине октября 1878 г. к делу подключился и ИК РСРП. Следует отметить, что сам Осинский считал такие акты по экспроприации денег у государства вполне оправданными⁵⁸. Поэтому неудивительно, что в подготовке этого революционного экса приняли участие лица из ближайшего окружения Осинского – Свириденко, П.А. Орлов (Павлюк), Иг.Н. Ивичевич.

Само нападение планировалось на 9 декабря 1878 г. В этот день по тракту должны были провезти 102 тыс. руб.⁵⁹ Сам Свириденко под Житомир не поехал, а непосред-

⁵⁰ Ефремов В.С. Маленькое дело // Былое. 1907. № 5. С. 82.

⁵¹ Хроника социалистического движения в России. Официальный отчет. 1878–1887 гг. М., 1906. С. 32.; Щеголев П.Е. Алексей Медведев // Каторга и ссылка. 1930. № 10 (71). С. 73.

⁵² Щеголев П.Е. Алексей Медведев // Каторга и ссылка. 1930. № 10 (71). С. 73.

⁵³ Ефремов В.С. Маленькое дело // Былое. 1907. № 5. С. 84.

⁵⁴ ГА РФ. Ф. 109. 3-я экспед. 1878 г. Оп. 163. Ед. хр. 291. Ч. 2. Л. 241, 254 об.; Там же. Л. 241 об. – 243.

⁵⁵ Хроника социалистического движения в России. 1878–1887 гг. Официальный отчет. 1878–1887 гг. М., 1906. С. 32.

⁵⁶ Там же. С. 86.

⁵⁷ Там же. С. 86.

⁵⁸ Аптекман О.В. «Земля и воля» 70-х гг. По личным воспоминаниям. Пг., 1924. С. 301.

⁵⁹ Новицкий В.Д. Из воспоминаний жандарма. М., 1991. С. 100.

ственными исполнителями акции выступали П.А. Орлов (Павлюк), Иг. Ивичевич, Г.Д. Гольденберг, К.Ф. Багряновский, П.Ф. Федоров (Лобанов-Лобанчук-Гудзь), П. Голушкин и Зубржицкий. Через мост, который почта преодолевала в ночное время, натянули толстую веревку, а вооруженные револьверами экспроприаторы ожидали в засаде. Но попытка не удалась. По официальной версии «заграждение оказалось слабым, лошади порвали веревку»⁶⁰. Однако в последующих показаниях Ключников иначе описывал неудачу мероприятия, ссылаясь на подслушанный им рассказ Орлова (Павлюка) Свириденко и Осинскому. При этом Павлюк объяснил, что

они натянули уже канат и вообще приготовились, но в решительную минуту Павлюк поопасался приступить к нападению, в тех видах, что принял во внимание бывшую ссору со мною Яна (Зубржицкого. – *О.М.*) он не доверял мне и боялся, что я зная это донесу⁶¹.

Версия, предложенная полиции Ключниковым, вызывает большие вопросы. Представляется, что он, давая такие показания, стремился преуменьшить свою вину и показать, что уже то время являлся только невольной жертвой обстоятельств. Версия поражает нелогичностью. Возникает законный вопрос, зачем тогда вообще было ехать на эту экспроприацию? Да и зная решительность киевских революционеров слабо верится, что их испугало возможное предательство Ключникова, если бы они, действительно, считали его предателем, то его ждала бы судьба Т. Курилова, убитого по подозрению в предательстве в марте 1879 г.⁶²

Неудача этого дела, впрочем, никак не отразилась на авторитете Свириденко в киевских революционных кругах. Об этом свидетельствует тот факт, что 3 декабря 1878 г. он вместе с Осинским, Волошенко, Ковалевской, Дебагорием-Мокриевичем и Л.А. Волкенштейн участвовал в переговорах с земскими либералами на квартире украинофила В.Л. Беренштама⁶³. Со стороны земцев также присутствовали И.И. Петрункевич, А.Ф. Линдфорс, младоукраинофил И.А. Житецкий и графиня А.С. Панина⁶⁴.

Центральным пунктом обсуждения стал вопрос, поставленный Петрункевичем:

согласны ли террористы временно приостановить всякие террористические акты, чтобы дать нам, земцам, время и возможность поднять в широких общественных кругах и прежде всего в земских собраниях открытый протест против правительственной внутренней политики и предъявить требование коренных реформ в смысле конституции, гарантирующей народу участие в управлении страной, свободу и неприкосновенность прав личности?⁶⁵

Дебаты проходили весьма горячо. У революционеров не оказалось единства мнений. Одну группу представляли Осинский и его сторонники (Волошенко, Свириденко, Волкенштейн) – так называемые террористы-политики. Их тезисы сводились в целом к принятию базовых установок либералов в отношении необходимости запуска конституционного процесса⁶⁶. Террористы исходили из того, что именно насильственные действия революционеров против власти могут быстрее ослабить ее позиции в центре и дать возможность либеральному лобби добиться конституционных свобод.

⁶⁰ Хроника социалистического движения в России. Официальный отчет. 1878–1887 гг. М., 1906. С. 86.

⁶¹ ГА РФ. Ф. 109. 3-я экспед. 1878 г. Оп. 163. Ед. хр. 291. Ч. 2. Л. 267.

⁶² Хроника социалистического движения в России. Официальный отчет. 1878–1887 гг. М., 1906. С. 86.

⁶³ *Петрункевич И.И.* Из записок общественного деятеля. Воспоминания // Архив русской революции: в 22 т. Т. 21. М., 1993. С. 101; *Дебагорий-Мокриевич В.К.* От бунтарства к терроризму. М., 1930. Кн. 2. С. 59; *Прибылев А.* Ин. Фед. Волошенко // Каторга и ссылка. 1930. № 3 (64). С. 142.

⁶⁴ *Петрункевич И.И.* Из записок общественного деятеля... С. 102.

⁶⁵ Там же. С. 101.

⁶⁶ *Дебагорий-Мокриевич В.К.* От бунтарства к терроризму. М., 1930. Кн. 2. С. 59.

Другую, маргинальную в данной ситуации точку зрения, озвучивала группа «бунтарей» – бакунистов, состоявшая из Дебагория-Мокриевича и его соратницы Ковалевской и отстаивавшая прежнюю бунтарскую позицию⁶⁷. Но в итоге пункт о прекращении террора стал камнем преткновения в диалоге либералов с революционерами. Переговоры, впрочем, не оказались столь неудачными, как их оценивают мемуаристы-народники⁶⁸.

Петрункевич отмечал в связи с этим:

После долгих и горячих дебатов мы не пришли к определенным решениям или обещаниям, но все же разошлись под впечатлением, что наше предложение имело некоторый психологический успех, и что, если нам удастся сдвинуть общественное мнение с мертвой точки равнодушия, то террористы поймут необходимость приостановить свою активную деятельность. Мы убедились также и в том, что, если бы правительство проявило хотя сколько-нибудь готовность сговориться со страной, террор потерял бы под собою почву⁶⁹.

Однако пока террор планировалось продолжать, а это требовало средств и, судя по всему, ИК РСРП начал вынашивать другой план экспроприации. Осинский выделил 120 руб. Свириденко для поездки в Крым с «целью осмотреть местность от Симферополя до Керчи»⁷⁰. Он как уроженец тех мест, по-видимому, должен был произвести рекогносцировку местности. Дававший впоследствии показания Ключников не знал цели поездки, но предположил (и в данном случае с ним вполне можно согласиться. – *О.М.*), что

дело это касалось почты, которая зимою ходит по почтовым трактам, и он действительно уехал на третий день Рождества Христова⁷¹.

В Керчь также зимой ездил и «Никитка» (Левченко Н.В. – *О.М.*) и провел там около месяца⁷².

В это же время члены ИК РСРП начали готовить и покушение на харьковского губернатора Д.Н. Кропоткина, которое, как известно, состоялось 9 февраля 1879 г. Но череда этих планов нарушилась арестами в Киеве. Там 25 января благодаря усилиям Г.П. Судейкина арестовали Волошенко, Осинского и Софью Лешерн фон Герцфельдт.

Арест, суд и казнь

Прошедшие аресты явились началом разгрома ИК РСРП. Буквально через две с половиной недели местных жандармов ожидала еще одна большая удача. Судейкин, благодаря активному использованию наружного наблюдения, смог установить квартиру Дебагория-Мокриевича, а «вслед за тем и то, что в этой квартире (угол Жилианской и Паньковской улиц флигель дома Коссаровской) проживают частью лица, знакомство с которыми Де Багорио (так в жандармских документах. – *О.М.*) было замечено раньше». Хозяевами квартиры в доме Коссаровской числились Ив. Ивичевич, проживавший под фамилией Лихошерстов⁷³, и В.К. Дебагорий-Мокриевич (Федоров).

Далее жандармы дождались удобного случая для проведения арестов, и в конце концов через завербованную Судейкиным слушательницу высших женских курсов Бабичеву (в жандармских документах Бабич. – *О.М.*) получили информацию о том,

⁶⁷ Дебагорий-Мокриевич В.К. От бунтарства к терроризму. М., 1930. Кн. 2. С. 60.

⁶⁸ Прибылев А. Ин. Фед. Волошенко // Каторга и ссылка. 1930. № 3 (64). С. 142; Дебагорий-Мокриевич В.К. От бунтарства к терроризму. М., 1930. Кн. 2. С. 59.

⁶⁹ Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля... С. 101.

⁷⁰ ГА РФ. Ф. 109. 3-я экспед. 1878 г. Оп. 163. Ед. хр. 291. Ч. 2. Л. 267 об.

⁷¹ Там же. Л. 268.

⁷² Там же. Л. 272.

⁷³ Там же. 1879 г. Оп. 164. Ед. хр. 115. Л. 84 об.

что Дебагорий-Мокриевич и часть жильцов из флигеля в доме Коссаровской будут 11 февраля по ее приглашению справлять масленицу у нее на квартире на Жилинской улице. Исходя из этого главой киевского ГЖУ полковником В.Д. Новицким и Судейкиным планировалось нанести двойной удар и взять всех сразу на двух квартирах, благо они располагались недалеко друг от друга.

На квартире Бабич находились Дебагорий-Мокриевич, Ковалевская и Орлов⁷⁴ во флигеле в доме Коссаровской – братья Ивичевичи, Л.К. Брандтнер, Н.П. Позен, Р.А. Стеблин-Каменский, С.И. Феохари, Н.А. Армфельдт, Е.П. Сарандович и А.Э. Поталицына. Дальнейшие события весьма подробно описаны мемуаристами. В результате оказанного яростного вооруженного сопротивления в доме Коссаровской, по свидетельству Новицкого, с обеих сторон было выпущено до 60 выстрелов⁷⁵. Братья Ивичевичи были смертельно ранены, ранено еще два революционера (Брандтнер и Г. Иванченко), один жандарм был убит; ранены жандарм и два полицейских, причем жандармы находились в специально заказанных для них двойных кольчугах⁷⁶, что спасло жизнь, например Судейкину. Аресты на другой квартире прошли более спокойно. У находившихся там не оказалось с собой оружия. Уходящий от гостей Свириденко попытался скрыться, но был арестован полицией.

Человек отчаянно смелый, он не капитулировал и в полицейской части, куда его доставили и где он увидел связанных при аресте в доме Коссаровской товарищей. Дебагорий-Мокриевич так описывал эту сцену:

Раздались чьи-то шаги крик усилился и в нашу комнату ворвался Владимир Свириденко, буквально волоча за собой двух полицейских... Волосы его были растрепаны, черные глаза сверкали как угли.

– Что это? Связанные? – крикнул он, увидав Позена и Каменского со скрученными назад руками, и тотчас бросился к одному из них и принялся рвать на нем веревки⁷⁷.

Полицейский пристав Матковский был настолько подавлен натиском Свириденко, что тут же распорядился развязать заключенных⁷⁸. Также дерзко вел себя Свириденко и по доставлении в Киевский тюремный замок. Там арестованным предложили переодеться в казенное платье. На это Свириденко неожиданно для охранников заявил, что он ботинок не отдаст и не отдал⁷⁹. Тюремные чины сочли за благо не связываться с ним по этому поводу.

На протяжении всего следствия Свириденко, как и остальные, отказывался от дачи показаний. Не открывал он и своей фамилии и проходил на следствии под именем Петра Антонова. В его отношении жандармы вынесли следующую характеристику:

Называющий себя Антоновым... лет 28-ми, озлобленный до мозга костей, крайне дерзкий и на все готовый человек⁸⁰.

Следствие велось весьма поверхностно и неряшливо. Власти откровенно боялись революционного подполья, получая постоянные угрозы в виде писем-предупреждений. Это настроение тревоги очень остро ощущается в строках из рапорта Новицкого на имя главноуправляющего Третьего отделения Н.К. Шмидта от 14 февраля 1879 г.:

⁷⁴ Дебагорий-Мокриевич В.К. От бунтарства к терроризму. М. – Л., 1930. Кн. 2. С. 62.

⁷⁵ Новицкий В.Д. Из воспоминаний жандарма. М., 1991. С. 97.

⁷⁶ ГА РФ. Ф. 109. 3-я экспед. 1879 г. Оп. 164. Ед. хр. 115. Л. 85 об.

⁷⁷ Там же. С. 66.

⁷⁸ Там же. С. 67.

⁷⁹ Феохари С.И. Дело о вооруженном сопротивлении в Киеве 11 февраля 1879 г. // Каторга и ссылка. 1929. № 4 (53). С. 42.

⁸⁰ ГА РФ. Ф. 109. 3-я экспед. 1879 г. Оп. 164. Ед. хр. 115. Л. 258.

Не скрою перед Вашим Высокопревосходительством, что жизнь не столько наша, сколько семей наших в городе Киеве, в высшей степени тяжела в нравственном отношении, не ошибусь, если сделаю сравнение, что теперь тяжелее и опаснее живется, чем в момент самого обыска в доме Коссаровской, но духом не падаем, но семейства по возможности ограждаем от могущего покушения на их жизнь злодеев⁸¹.

Другой постоянной головной болью как для тюремщиков, так и для жандармов было опасение, что политические организуют побег. Новицкий прямо высказывал подобные опасения в своей переписке со Шмидтом. Со ссылкой на секретные источники он писал о

намерении злоумышленников во что бы то ни стало освободить арестованных, или посредством отбития во время препровождения, или нападения, открытого на часовых тюрьмы⁸².

Поэтому все допросы проводились только в здании тюрьмы, отстоявшей от городской черты на пять верст. В такой обстановке киевские жандармы и особенно прокуратура больше думали о себе, чем о проводимом расследовании. Шифрованная телеграмма в Третье отделение об окончании дела «о вооруженном сопротивлении в доме Коссаровской 11 февраля» была отправлена Новицким уже 20 марта 1879 г.⁸³ Поэтому неудивительно, что подлинные имена и фамилии трех человек так и не были установлены. Среди них оказался и Свириденко.

На это указывал также при знакомстве с делом военный прокурор полковник В.С. Стрельников. Он лично выразил Новицкому «свой взгляд на неполноту проведенного следствия под наблюдением Киевской прокуратуры» и сказал, что если бы он не был ознакомлен с делом лично Новицким и с дознаниями, проведенными в вверенном ему управлении, а также с политической и административной перепиской, то «не уяснил бы себе важности дела, ибо так поверхностны следственные действия»⁸⁴. Но видимо полностью исправить недочеты следствия не смог и военный прокурор. Дебагорий-Мокриевич вспоминал:

Обвинения, составленные на скорую руку, без достаточного знакомства с делом, бросались в глаза своей бездоказанностью и с юридической точки зрения не выдерживали критики⁸⁵.

Судебный процесс по этому делу начался 30 апреля, хотя многое в нем заранее было предопределено. Само придание дела военному суду означало неминуемые смертные приговоры, о чем свидетельствует и жандармская переписка. Из нее явствует, что основными кандидатами на смертную казнь по этому делу были: обвинявшиеся в вооруженном сопротивлении Антонов (Свириденко), Брандтнер, Стеблин-Каменский и «неизвестный раненный в голову» (Иванченко Г. – *О.М.*). Практически все из подсудимых, кроме Стеблин-Каменского, отказались от защиты. На суде Антонов (Свириденко) на вопрос обвинения «Признаете ли вы себя виновным?» произнес следующее:

Я, действительно, сделал 6 выстрелов, но имел в виду одно – навести панику и, воспользовавшись этим бежать, что мне, как известно почти удалось, но я не имел в виду кого-нибудь убить⁸⁶.

На дальнейшие вопросы он отвечать отказался⁸⁷.

⁸¹ ГА РФ. Ф. 109. 3-я экспед. 1879 г. Оп. 164. Ед. хр. 115. Л. 86 об.

⁸² Там же. Л. 175.

⁸³ Там же. Л. 173, 173 об.

⁸⁴ Там же. Л. 211 об.

⁸⁵ *Дебагорий-Мокриевич В.К.* От бунтарства к терроризму... С. 81.

⁸⁶ *Я. Д. Б.* Суд и казнь Л.К. Брандтнера, В.А. Свириденко и В.А. Осинского // Каторга и ссылка. 1929. № 7 (56). С. 73.

⁸⁷ Там же. С. 73.

В результате уже 4 мая киевский военный суд вынес свой вердикт, по которому Брандтнер и Антонов приговаривались к смертной казни через расстреляние, а остальные получили многолетние каторжные сроки. На конфирмации, состоявшейся 12 мая, учитывая пожелание Александра II, военный генерал-губернатор М.И. Чертков заменил осужденным на смерть Антонову, Брандтнеру и Осинскому (осужден 8 мая. – *О.М.*) расстрел повешением⁸⁸.

В последний день перед казнью приговоренные, кроме Брандтнера, побеседовавшего с лютеранским пастором, отказались принять священников⁸⁹. Перед самым совершением казни командующий войсками прислал адъютанта с приказанием генерал-майору Кравченко, непосредственно руководившему казнью, чтобы после прочтения конфирмации все-таки допустить священников и пастора к приговоренным, в том случае, если они одумаются и исполнят последний церковный обряд, что и было сделано. Однако когда священники подошли, «то они приговоренными были прогнаны»⁹⁰.

По прочтении приговора осужденные попросили разрешения попрощаться и отдались в руки палача. В рапорте Новицкого можно прочесть следующее:

Приговоренные были бледные, как плотно, но на ногах держались без посторонней помощи; ни возгласов, ни плача, ни обращения к кому-либо не последовало⁹¹.

Первым на эшафот взошел осужденный, назвавшийся Антоновым...

Выводы

Как показало проведенное исследование, поколение революционеров, к которому принадлежал В.А. Свириденко, создали организационную структуру в лице Исполнительного комитета и избрали идеологию, оправдывавшую использование терроризма в качестве средства борьбы за политические свободы. Своими поступками и действиями они демонстрировали силу духа и готовность к самопожертвованию во имя идеи свободы и социальной справедливости в том виде, как они ее понимали. В этой связи споры о правомочности применения революционерами-народниками террористической тактики в борьбе с властью продолжаются уже более века в отечественной и зарубежной историографии. Проведенная в статье реконструкция личной биографии одного из участников этого движения позволяет глубже понять причины эволюции революционного народничества от мирной пропаганды к политическому террору и дать оценку ее последствиям.

Поступила в редакцию / Submitted: 20.03.2021

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 15.09.2021

Принята к публикации / Accepted for publication: 12.07.2022

References

- Aptekman, O.V. *Obshchestvo 'Zemlia i volia' 70-h gg. Po lichnym vospominaniyam*. Pgetrograd: Kolos Publ., 1924 (in Russian).
- Berman, A.L. "Zametka o kazni V. Osinskogo i dr." *Katorga i ssylka*, no. 2 (1930): 110 (in Russian)
- Budnickiy, O.V. "The revolutionary terrorism in Russian empire: historiography of recent years (2000–2015)." *Rossiiskaya istoriya*, no 3 (2015): 119–137 (in Russian).

⁸⁸ Берман А.Л. Заметка о казни В. Осинского и др. // Каторга и ссылка. 1930. № 2 (63). С. 110.

⁸⁹ Я. Д. Б. Суд и казнь Л.К. Брандтнера, В.А. Свириденко и В.А. Осинского // Каторга и ссылка. 1929. № 7 (56). С. 71.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Там же.

- Budnickiy, O.V. *Terrorizm v rossiiskom osvoboditel'nom dvizhenii*. Moscow: ROSSPEHN Publ., 2000 (in Russian).
- Buhbinder, N.A. “K protsessu I.M. Koval'skogo.” *Katorga i ssylka*, no. 1 (1928): 67–74 (in Russian).
- Debagoriy-Mokrievich, V.K. *Ot buntarstva k terrorizmu*. 2 vols. Moscow; Leningrad, 1930 (in Russian).
- Dejch, L.G. “Valer'yan Osinskii (k 50-letiyu ego kazni).” *Katorga i ssylka*, no. 5 (1929): 9–43 (in Russian).
- Drezen, A. “Matrosy v revoliutsionnom dvizhenii 70-h godov.” *Katorga i ssylka*, no. 2 (1927): 60–80 (in Russian).
- Efremov, V.S. “Malen'koe delo.” *Byloe*, no. 5 (1907): 81–100 (in Russian).
- Feokhari, S.I. “Delo o vooruzhennom soprotivlenii v Kieve 11 fevralia 1879 g.” *Katorga i ssylka*, no. 4 (1929): 37–51 (in Russian).
- Milevsky, O.A. “‘Bombisty-razrushiteli’ ili ‘tiranobortsy’: ‘Narodnaia volia’ v otsenkakh postsovetsskoi istoriografii.” *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 3 (2018): 141–160 (in Russian).
- Moreynis, M.A. “Avtobiografiia.” In *Deiateli SSSR i revoliutsionnogo dvizheniia Rossii. Entsiklopedicheskii slovar' Granat*, 154–159. Moscow: Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1989 (in Russian).
- Moreynis, M.A. “Solomon Iakovlevich Vittenbergi process 28-mi.” *Katorga i ssylka*, no. 56 (1929): 47–67 (in Russian).
- Novitskiy, V.D. *Iz vospominanii zhandarma*. Moscow: MGU Publ., 1991 (in Russian).
- Ovsyaniko-Kulikovskiy, D.N. *Literaturno-kriticheskie raboty*. Moscow: Khudozhestvennaia literatura Publ., 1989 (in Russian).
- Pelevin, Yu.A. “Kazus Zasulich.” *Voprosy Istorii*, no. 4 (2015): 41–61 (in Russian).
- Petrunkovich, I.I. *Iz zapisok obshchestvennogo deiatelia. Vospominaniia*. Vol. 21 of *Arkhiv russkoi revolyutsii*. Moscow: TERRA Publ., 1993 (in Russian).
- Pipes R. “The Trial of Vera Z.” *Russian History* 37, no. 1 (2010): 1–82.
- Pribylev, A. “In. Fed. Voloshenko.” *Katorga i ssylka*, no. 3 (1930): 127–147 (in Russian).
- Ratuk, L.E. “Remembering ‘The Terrorism’: Sergei Stepniak-Kravchinskiis ‘Underground Russia’.” *Slavic Review* 68, no. 4 (2009): 758–781.
- Sedov, M.G. *Geroicheskii period revoliutsionnogo narodnichestva*. Moscow: Mysl' Publ., 1966 (in Russian).
- Shehegolev, P. “Aleksii Medvedev.” *Katorga i ssylka*, no. 10 (1930): 67–110 (in Russian).
- Steblin-Kamenskiy, R.G. “Grigorii Anfimovich Popko (Opyt biografii).” *Byloe*, no. 5 (1907): 179–204 (in Russian).
- Tikhomirov, L.A. “Pamiati Y.N. Govorukhi-Otroka.” *Russkoe obozrenie*, no. 9 (1896): 341–360 (in Russian).
- Tikhomirov, L.A. *Teni proshlogo*. Moscow: Moskva Publ., 2000 (in Russian).
- Troitskiy, N.A. *‘Orly-bogatyri’ (Rossiiskie narodniki v iskusstve)*. Saratov: Nauka Publ., 2009 (in Russian).
- Troitskiy, N.A. *Krestonostsy sotsializma*. Saratov: Saratovskogo un-ta Publ., 2002 (in Russian).
- Tvardovskaya, V.A. *Sotsialisticheskaya mysl' Rossii na rubezhe 1870–1880-h gg*. Moscow: Nauka Publ., 1969 (in Russian).
- Volk, S.S. *‘Narodnaia volia.’ 1879–1882 g*. Moscow; Leningrad: Nauka Publ., 1966 (in Russian).
- Yurkovskiy, F.N. *Bulgakov. Roman, napisannyi v Shlissel'burge. Vospominaniia i pis'ma*. Moscow; Leningrad: Vsesoiuznoe obshchestvo polit. katorzhan i ssyl'no-poseletsev Publ., 1933 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Олег Анатольевич Милевский, д-р истор. наук, профессор кафедры социально-гуманитарного образования, Сургутский государственный педагогический университет; 628417, Россия, ХМАО-Югра, Сургут, ул. 50 лет ВЛКСМ, 10/2; olegmilevsky@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4613-826X>

Oleg A. Milevsky, Dr. Habil. Hist., Professor of Surgut State Pedagogical University; 10/2, 50 let VLKSM Str., Surgut, Tyumen region, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra, 628417, Russia; olegmilevsky@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4613-826X>